Эта история случилась давно, ещё в советские времена, когда в противовес НАТО существовал Варшавский договор. В составе туристической группы я оказался в Польше, в городе Краков. Седовласый поляк-гид водил нас по достопримечательным местам города, живо рассказывая без переводчика обо всём, что нас интересовало. К вечеру, утомлённые, мы все забрели в просторное кафе и расположились за столиками. Я оказался за одним столиком с нашим гидом — паном Тадеушем, как он представился. Возникшее у меня к нему расположение подтолкнуло меня заметить как бы между прочим, что у меня в роду по женской линии были близкие родственники с польской фамилией Заруцкие. Пан Тадеуш с интересом посмотрел на меня и неожиданно сказал: «А знаете, пан Станислав (в Польше это имя произносят с ударением на букву «и»), если желаете, я могу вас познакомить со своим другом, он является хранителем замка-музея рода графов Заруцких. Это недалеко отсюда». Я согласился, и буквально на другой день встреча состоялась...

Польский король, внимательно следивший за положением дел в соседней России, из донесений лазутчиков знал, что там во всех областях жизни царит полная неразбериха. (Впоследствии этот период жизни России войдёт в историю под названием «Смутное время».)

Короля томила честолюбивая мечта: пользуясь случаем, прибрать эти земли к своим рукам. Но, будучи человеком осторожным, он решил проверить южные районы России, где казачья вольница могла помешать этим планам. С этой целью он своего фаворита, графа Зигмунда Заруцкого, отправил с небольшой группой специально подготовленных шляхтичей[1] в глубокую разведку.

---

[1] Шляхта — польское дворянство.

Переодетые в простецкую одежду беглых крестьян, лазутчики двинулись в дорогу. В попутных станицах к ним относились доброжелательно. Каза́чки даже выносили путникам снедь и вступали в разговоры, из которых лазутчики осторожно выясняли интересующие их вопросы. Было ясно, что московские бояре здесь любовью не пользуются. Но и иноземцев казачья вольница не жалует.

Время шло. И однажды ясным летним вечером граф со своими людьми оказался на возвышенном берегу Волги, склон которого порос кустарником, спускающимся к самой воде. Ветви плакучей ивы плескались в набегающей волне.

Решив здесь устроить привал, граф выставил дозорных и разрешил шляхтичам отдыхать, планируя утром пуститься в обратный путь. Ночь прошла спокойно. Но когда первые лучи солнца осветили округу, очередной дозорный уловил доносившиеся издали с реки звуки нестройной песни. Осторожно раздвинув кусты, он увидел, как из-за поворота выплывают ладьи, заполненные людьми.

Он разбудил графа. Тот, приглядевшись, заметил: «Казаки возвращаются из набега в чужие края».

Против течения ладьи на вёслах двигались медленно. На передней, развалившись на ковре, полулежал, очевидно, атаман, обнявший стан молодой красивой девушки, одетой в длинное белое платье.

Казаки на всех ладьях громко и хрипло пели песни: было ясно, что все они пьяны. Поэтому гребцы гребли недружно. Ладьи плыли, почти касаясь берега, и тогда неуверенно вставший на ноги казак — очевидно, кормчий — прокричал для всех: «Выгребай от берега на середину!»

В это время атаман на первой ладье приподнял руками девушку над собой и рывком бросил её за борт. Раздался девичий крик, и она стала медленно погружаться. Но ветви ивы зацепили платье и не дали девушке сразу уйти на дно.

А ладьи уже отошли от берега, и никто из казаков не заметил случившегося.

Дозорный взглянул на графа, и тот молча ему кивнул. Шляхтич, скрытый кустарником, быстро скользнул вниз и ухватил вздувшийся подол платья. Рывком выдернув из воды утопленницу, он подхватил её на руки и вынес наверх.

Граф, кое-что помня о правилах помощи утопающим, принял энергичные меры, и вскоре девушка открыла глаза. Она с недоумением смотрела на окружающих её мужчин. К счастью,

один из них худо-бедно знал восточный язык, и постепенно удалось узнать, что она — дочь знатного сановника и была похищена незнакомыми людьми прямо в саду около дворца.

Сам граф, любуясь спасённой девушкой, хотя и был мужчиной не первой молодости, воспылал таким чувством, что решил ни за что с ней не расставаться.

Будучи вдовцом, он не испытывал при этом угрызения совести. Единственно, что его обеспокоило,— это наличие единственного взрослого красавца-сына Ясека. Но граф сразу себя успокоил мыслью о том, что немедленно примет меры к женитьбе сына на одной из красавиц местной шляхты.

Поэтому граф сразу, пользуясь помощью своего толмача[2], внушил девушке, что как только они вернутся, то немедленно примут меры к возвращению её домой.

Но появилась проблема, как быть с ней в дороге.

Граф вспомнил, что когда они двигались сюда, то видели в нескольких местах около станиц небольшие церкви.

И хотя граф решил возвращаться другой дорогой, но был убеждён, что и на ней должны быть церкви.

С этой целью он сам отправился в разведку и действительно совсем недалеко обнаружил то, что искал.

Старый священник, увидев перед собой обросшего бедного мужика с котомкой на плече, доверчиво выслушал просьбу о том, что его убогая дочь мечтает попасть в монастырь, но по слабости здоровья не может идти. Присутствующая при этом жена священника молча утирала слёзы. И так смотрела на мужа, что тот, махнув рукой, сказал: «Дам я тебе, человек, на время свою старую бричку со старой лошадью. Сильно её не гони. А в монастыре меня знают. Там и оставь конягу. Мне её вернут».

Сердобольная жена принесла попону, чтобы укрываться. Граф не знал, как и благодарить.

Короче говоря, лазутчики благополучно добрались до монастыря, который был рядом с границей, и, отдав лошадь с бричкою, ночью оказались с девушкой на своей земле.

Графу дома доложили, что сын с друзьями на охоте. Он распорядился поместить девушку в отдельном флигеле, обеспечить её прислугой и всем необходимым, как знатную особу. Впрочем, днём ни в коем случае не выпускать в сад. Прогулки — только ночью, в сопровождении прислуги.

---

[2] Толмач — переводчик.

После встречи с королём граф вернулся довольным. Сыну, вернувшемуся с охоты, он сообщил, что приехала старая больная родственница и беспокоить её не следует. А вот подумать о женитьбе уже пора. Эти слова отца молодой граф принял без энтузиазма. Но тот решил действовать.

А в это время в Европе было поветрие на веру в хиромантов и алхимиков. Был и у графа свой седовласый алхимик, который обитал в отдельной пристройке к замку. Там он проводил дни и ночи, колдуя над ретортами и колбами.

Кроме графа, другим вход туда был строго запрещён. И дворня обходила ту пристройку стороной, крестясь и шепча молитвы.

Как-то Ясек уговорил отца посетить отшельника, и граф явился к алхимику вместе с сыном. Молодому человеку всё там показалось необычным и интересным. Старец тоже остался доволен посещением, и вскоре, с разрешения отца, молодой граф стал частым гостем алхимика, который умел интересно рассказывать о своих поисках философского камня.

А время шло, и король решил, что пора организовать поход на Москву. Польские отряды двинулись, не встречая особого сопротивления. Но разрозненные русские дружины всё же нанесли полякам урон в живой силе. Это затрудняло продвижение поляков, но в конце концов они оказались у стен Московского Кремля.

Силы русских здесь были более организованны. Завязались упорные бои. Но полякам всё же удалось овладеть Кремлём.

И только когда патриоты земли русской — Козьма Минин и князь Пожарский — сумели организовать мощное народное ополчение, которое двинулось к Москве, обстановка резко изменилась. Поляки вынуждены были покинуть сначала Москву, а затем и российские пределы. В том бесславном походе приняли участие и отец с сыном Заруцкие.

Вернувшись в свой замок под Краковом, они зажили обычной жизнью. В одну из лунных летних ночей Ясек вышел в сад и услышал за кустами тихие женские голоса. Осторожно приблизившись, он раздвинул ветки и увидел юную красавицу, сопровождаемую няньками. При ярком лунном свете лицо и фигура девушки казались неземными. Юноша, поражённый увиденным, на миг словно окаменел, но в ту же минуту раздвинул кусты и вышел на дорожку, где стояли женщины.

Они испуганно вскрикнули и, подхватив за руки красавицу, потянули её к домику. Но перед тем как женщины втолкнули

девушку в дверь, она оглянулась. И сердце Ясека затрепетало. Дверь захлопнулась, а он всё стоял как вкопанный. Придя в себя, юноша побрёл к замку. Не раздеваясь, он прилёг на постель и, уставив взгляд в потолок, задумался. Зачем отец обманул его? И кто эта девушка? Завтра же он потребует от отца ответа... Но чем дольше раздумывал юноша, тем неуверенней он был в том, что нужно объясняться с отцом. Нужно самому разгадать эту тайну. С этими мыслями он и уснул.

Надо заметить, что если у старого графа давно уже устоялись доверительные отношения с алхимиком, то к этому времени и у Ясека они стали не менее добрыми и откровенными. Поэтому едва утром он открыл глаза, как сразу же поспешил к отшельнику-алхимику.

Присев в углу на табурет, он обхватил голову руками, не зная, с чего начать разговор.

«Что случилось, молодой человек?» — обратился старик к юноше. Тот встал и молча прошёлся несколько раз по комнате. Наконец он остановился и, глядя в глаза алхимика, спросил: «Кто эта девушка, которую я ночью увидел в саду?» Старик вновь усадил Ясека на табурет и, повернувшись к окну, опёрся руками о подоконник.

«Вы вынуждаете меня рассказать о том, о чём мне не следует говорить. Но раз встреча случилась, это будет вас мучить». И старик поведал Ясеку всё, что знал от старого графа. В заключение он сказал: «Я понимаю вас, но вы оба влюблены в эту девушку. И как тут вам быть — я не знаю». Алхимик развёл руками и вернулся к своему рабочему столу.

Выйдя из лаборатории, Ясек решил не ставить отца в известность, а самому как-то решать проблему.

Наступившую ночь он провёл в скрытном месте, ожидая появления женщин. Заветная дверь приоткрылась, и на пороге появилась одна из служанок. Оглядываясь по сторонам, она быстрым шагом обошла в саду все дорожки и вернулась к двери. Постучала — и на крылечко вышла ещё одна служанка, а за ней показалась и красавица, которую хорошо было видно из засады.

Сердце юноши учащённо забилось — ведь от девушки нельзя было оторвать глаз. Хотелось броситься к её ногам. Но, помня урок прошлой ночи, Ясек сдержался... Так и стоял он скрытно, пока служанки не увели девушку в домик.

Лёжа в постели, он не мог почти до утра сомкнуть глаз.

Отец между тем, кроме государственных дел при короле, занимался и выбором невесты для сына, о чём извещал его за обеденным столом. Но тот слушал его рассеянно, чем огорчал любящее сердце отца.

А Ясек несколько следующих ночей провёл в засаде, тайком наблюдая за прогулками красавицы. Он заметил, что она иногда резко оглядывалась, словно хотела что-то увидеть. В одну из следующих ночей он дождался, когда в комнате девушки погасла свеча, и, приблизившись к окну, тихонько несколько раз осторожно пальцем постучал в стекло.

Замирая от ожидания, он приблизил лицо к окну. И вдруг увидел слегка испуганное лицо девушки. Она быстро отшатнулась, но тут же вновь приблизилась, узрев лицо красивого юноши. Робко улыбнувшись, она задёрнула штору.

Ясек простоял ещё некоторое время, не решаясь постучать вновь. Решив не искушать судьбу, он медленно побрёл к себе. Душа его ликовала: она не испугалась!.. И вновь он не мог заснуть...

Каждую следующую ночь Ясек подбирался к её окну, и на условный стук появлялось её лицо, на котором блуждали робкая улыбка и недоумение.

Старый граф, пытаясь приблизить свою юною пленницу к доверию, решил ради развлечения сводить её к алхимику, который знал восточные языки. Посещение алхимика дало свои результаты. Девушка оживилась, и граф милостиво разрешил ей по вечерам, в сопровождении служанок, посещать алхимика.

Узнав от старика неожиданную новость, Ясек слёзно упросил его, чтобы тот рассказал ей о нём. Присутствие служанок не могло этому помешать, так как они, конечно же, не знали чужого языка.

С этого дня медленно, но верно стали налаживаться отношения между молодыми, хотя они и не могли встречаться лично.

Кончилось это тем, что в одну из ночей влюблённые бесследно исчезли, сбежав из замка. Когда граф Зигмунд узнал об этом, его хватил удар...

Когда мне случается услышать песню про Стеньку Разина, я сразу вспоминаю своё давнее посещение графского замка Заруцких и рассказ старого хранителя замка.